

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой) ¹⁾.

е безъинтересно привести вкратцѣ первое письмо Ольги Алексѣевны ко мнѣ и также вкратцѣ мой отвѣтъ. Г-жа Новикова пишетъ изъ Лаго ди Комо 11-го сентября.

„Было бы въ обоюдныхъ интересахъ Россіи и Англій идти рука объ руку, имѣя одинаковое великое призваніе въ Азіи. Но Ваши государственные люди и писатели такъ боятся упрека въ пристрастіи и такъ рѣдко рѣшаются высказать истину, что нельзя не удивляться исключеніямъ изъ этого правила дѣланнаго Вами. Г-нъ Фриманъ, герцогъ Аргальскій, г-нъ Гладстонъ болѣе сдѣлали, чтобы успокоить наше негодованіе, чѣмъ всѣ угрозы Вашего премьера и его низкой, презрительной, клеветнической партіи. Честное объявленіе войны меньше бы повредило нашему соглашенію, чѣмъ пошлая вульгарность и несправедливость англійскихъ дебатовъ и статей.

Надѣюсь быть въ Лондонѣ (Symond's Hotel Brook-Street) въ серединѣ октября. Для меня было бы большимъ удовольствіемъ познакомиться съ Вами. Ваши усилія служить истинѣ смѣлы и умны“.

2-го октября я отвѣчалъ:

„Какъ англичанинъ я должникъ всякаго русскаго, съ которымъ прихожу въ соприкосновеніе, долгъ этотъ, увы, я никогда сораз-

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1911 г.

мѣрно не уплачу, потому что ничто не можетъ искупить ужасныхъ бѣдствій, причиняемыхъ Россіи англійской политикой. Въ темнотѣ этихъ осеннихъ ночей мнѣ слышится вошь женъ, рыданіе матерей въ далекихъ селеніяхъ Россіи, оплакивающихъ дорогихъ ихъ сердцу, которые не вернутся назадъ, и Вамъ, Милостивая Государыня, какъ единственной русской женщиной, къ которой могу отнестись, я выражаю стыдъ и горе, съ которыми я смотрю на результаты работы Биконсфильда“.

Эти двѣ выдержки звучатъ уже той дружбой, которая, начиная съ 1877 года, не прерывалась до настоящаго дня.

Одинъ старый другъ мой, сэръ Вемиссъ Райдъ коснулся этого въ своихъ мемуарахъ:

„Это было въ то время, когда онъ (Стедь) подпалъ подъ вліяніе г-жи Новиковой, которая по уполномочію или безъ него, но считалась всѣми у насъ, какъ неофициальная представительница Россіи. Она была и есть очень талантливая и вліятельная женщина, имѣвшая необыкновенное вліяніе на многихъ знаменитыхъ политическихъ дѣятелей. Я не хочу сказать, что Стедь вдохновился русской политикой исключительно благодаря г-жѣ Новиковой, во всякомъ случаѣ въ то время онъ ничего не писалъ въ „Сѣверномъ эхо“, что бы не получило живѣйшаго одобренія г-жи Новиковой. Въ ея лицѣ онъ приобрѣлъ себѣ властнаго друга“. (Мемуары Райда, стр. 314).

Хорошо, что сэръ Вемиссъ Райдъ не говорилъ того, что можетъ быть опровергнуто фактами.

Я былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ искреннимъ защитникомъ англо-русскаго соглашенія, и въ этомъ смыслѣ г-жѣ Новиковой не пришлось ничего мѣнять относительно моего анти-турецкаго направленія. До 1877 года я не встрѣчалъ ея.

Съ этой минуты начинаются мои личныя воспоминанія о г-жѣ Новиковой и о начавшейся съ тѣхъ поръ работѣ. Эта книга не есть только собраніе переписки и воспоминаній г-жи Новиковой, она также должна изобразить ту благородную и въ концѣ концовъ успѣшную борьбу, во главѣ которой она стояла для соглашенія между Россіей и Англійей. Г-жа Новикова до 1876 года вела кампанію преимущественно въ двухъ столицахъ. Моя болѣе скромная роль вращалась въ сферѣ провинціальной журналистики. Но въ высокой или низкой сферѣ мы безсозна что сотрудничали въ одномъ и томъ же правомъ дѣлѣ. Въ печати я началъ дѣятельность раньше ея. Первый разъ ея голосъ къ англійской публикѣ въ печати появился въ 1876 г. Съ 1877 г. Ольга Алексѣевна начинаетъ настоящую кампанію за Англо-Русское соглашеніе; мои попытки начались, по крайней мѣрѣ, лѣтъ шесть раньше. Не

рѣчи, а сочиненія Кобдена въ моей молодости произвели на меня впечатлѣніе полной убѣжденности, что послѣ уничтоженія пагубнаго раскола между двумя англійскими великими народами, не было болѣе серьезной политической задачи, какъ удалить чувства злобы и зависти, существовавшія между Россіей и Англіей. Бросая теперь взглядъ назадъ на мою сорокалѣтнюю дѣятельность журналиста, я могу честно заявить, что съ начала до конца я ни минуты не колебался въ служеніи этимъ двумъ великимъ идеямъ. Во время хорошихъ, а въ особенности дурныхъ отношеній, когда надвигались тучи, и сердца людей замирали отъ страха войны, мои статьи служатъ доказательствомъ непоколебимой вѣрности, съ которой я силился поощрять лучшее пониманіе между Россіей и моей родиной.

Эта неусыпная работа въ пользу Россіи въ англійской печати, съ любовью предпринятая мною съ юности моей, никогда не привела бы меня къ знакомству съ г-жей Новиковой, или съ кѣмъ-нибудь изъ выдающихся русскихъ, такъ равнодушны они къ тому, что говорятъ или пишутъ о нихъ за границей, если бы Восточный кризисъ не обратилъ бы внезапно вниманія на то, что когда между Россіей и Англіей существуютъ недоразумѣнія, не можетъ быть мира и свободы на востокѣ. Какъ только началось возстаніе въ Герцоговинѣ, я воспользовался случаемъ провозгласить энергично приближающееся освобожденіе славянъ. Я побуждалъ Англію принять участіе въ этомъ освобожденіи. Едва-ли Аксаковъ и московскіе панслависты говорили съ болѣшимъ усердіемъ и пыломъ, чѣмъ я, о необходимости положить конецъ Оттоманскому владычеству въ Европѣ, гораздо ранѣе, чѣмъ Гладстонъ произнесъ свою рѣчь о Берлинскомъ меморандумѣ, которая предшествовала нѣсколькими мѣсяцами его статьѣ о Болгарской рѣзни. Въ противо-турецкомъ волненіи сѣверъ Англій на много опередилъ югъ. Привожу слова Фримана:

„Съ перваго дня, что взоры Западной Европы вновь обратились къ правдамъ и неправдамъ юго-восточной, Ваша газета стояла непоколебимо на сторонѣ справедливости. Ни одной газеты, столь твердой, я не знаю. Теперь въ модѣ смотрѣть на народное неудовольствіе союзомъ съ Турціей, какъ на дѣло рукъ Гладстона. Это далеко отъ истины. Онъ далъ движеніе дѣлу, которое стало неотразимо, но раньше, когда образовывалось общественное мнѣніе по этому вопросу, многіе изъ насъ направляли свои взоры къ Хардену. То же дѣлали Ирландскіе Home rulers въ началѣ 1883 г. Какъ распространитель вѣсти о Болгарскихъ жестокостяхъ прежде кого бы то ни было, я могу говорить объ этомъ авторитетно. Я прекрасно помню, съ какимъ нетерпѣніемъ болѣе пылкіе умы раз-

дражались медленностью между открытіемъ кампаніи и публичнымъ принятіемъ начальства надъ собой нашего великаго лидера“.

Я спросилъ у Фримана, кто такая г-жа Новикова?

Онъ отвѣчалъ 1-го октября.

„Г-жа Новикова—сестра Кирѣева, перваго русскаго офицера, павшаго въ Сербіи въ прошедшемъ году, и о которомъ создались легенды три мѣсяца послѣ его смерти, какъ о настоящемъ героѣ“.

Въ отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ я коснулся ея брата, Ольга Алексѣевна мнѣ пишетъ:

„Я глубоко благодарна за Ваше доброе сочувствіе къ памяти моего брата. Да, онъ былъ самый великодушный, рыцарскій человѣкъ, какой можетъ существовать, и вліяніе его на окружающихъ не прекратилось послѣ его смерти. Бездѣтная вдова его, рожденная княжна Анна Несвижская, очень красивая и изящная женщина, состоитъ сестрой милосердія при арміи въ настоящую минуту. Какъ мать я жена, я менѣе свободна, я не могу послѣдовать ея примѣру, все же желая содѣйствовать цѣлямъ брата, я начала писать статьи въ двухъ нашихъ Московскихъ газетахъ славянофильскаго направленія.

„Но многіе русскіе умерли такъ же благородно, хотя безъ того блеска, но на долю брата выпалъ самоотверженный починъ этого благороднаго дѣла“.

„Я поѣхалъ въ Лондонъ, чтобы видѣть г-жу Новикову, говоритъ Стэдъ. Со дня нашей встрѣчи въ Саймонъ-Отелъ въ октябрѣ 1877 г. мы работали вмѣстѣ съ величайшей энергіей въ дѣлѣ мира и справедливости. Прочность дружескихъ отношеній, тогда приобрѣтенныхъ, замѣчательна тѣмъ, что во многомъ г-жа Новикова и я два противоположныхъ полюса. Она ярая православная, аристократка и отократка по убѣжденію. Я англійскій сектантъ, сынъ народа и радикалъ по характеру и убѣжденію.

Помочь двумъ націямъ все понять, значитъ,—помочь имъ все простить, поэтому я никогда не колебался помогать, по мѣрѣ моихъ силъ, г-жѣ Новиковой выставявъ русскую точку зрѣнія на всѣ текущіе вопросы даже тогда, когда откровенно говорилъ ей, что нахожу, что русскіе ошибаются; конечно было не важно, что она или я думаемъ, существенно важно было, чтобы наше обоюдное воздѣйствіе дало возможность ясно понимать, что думаютъ русскіе и англичане въ обѣихъ этихъ странахъ.

Такое отношеніе подвергло меня большимъ недоразумѣніямъ и обвиненіямъ, меня обвиняли въ вѣроломствѣ, въ поощреніи тиранніи и въ измѣнѣ священному праву свободы, потому что я всегда старался сдѣлать самый благопріятный выводъ для русскаго правитель-

ства въ его борьбѣ, какъ съ сосѣдями, такъ и со своими подданными. Упреки эти не трогали меня. Дѣятельность моя въ пользу свободы человѣчества въ Россіи и всюду была слишкомъ разнообразна и постоянна, чтобъ обращать вниманіе на такіе укоры. Я не нахожу разумнымъ, если Вы сочувствуете жертвѣ правительства не дать этому послѣднему правъ защищаться,—право, которымъ обладаетъ самый послѣдній преступникъ, это право несомнѣнно должно принадлежать каждому правительству, располагающему судьбой милліоновъ людей. Роковая опасность для націй, которыя осуждаютъ поступки правительства другой націи, заключается въ неспособности признавать, что какъ бы ни была ошибочна его политика, ее создаютъ не дьяволы, а такіе же люди, какъ мы. Выслушавъ, мы можемъ все-таки произнести сужденіе. Бей, но выслушай, должно быть правиломъ для націй, какъ и для отдѣльныхъ лицъ. Я горжусь тѣмъ, что по мѣрѣ силъ могъ помочь г-жѣ Новиковой сдѣлать понятнымъ моимъ соотечественникамъ дѣло русскаго правительства.

Послѣ этого отступленія, необходимаго, чтобы объяснить, какъ я достигъ чести сотрудничать съ г-жей Новиковой и имѣю теперь преимущество издать ея воспоминанія, я возвращаюсь къ перепискѣ“.

Г-нъ Форбсъ былъ по обыкновенію воинствененъ. Послѣ второй неудачи подъ Плевной онъ говоритъ г-жѣ Новиковой: „мы были въ страшномъ уныніи короткое время, теперь все идетъ къ лучшему“. Онъ оплакиваетъ недостатокъ рыцарскихъ газетъ въ Лондонѣ, „Daily News“ двоедушень, „Spectator“, хотя очень хорошъ, но ужасно скученъ и торжествененъ. Онъ много писалъ, въ августъ и октябръ преимущественно на счетъ гнусности мнимаго нейтралитета и разрѣшенія Гобарту, Бекеру и другимъ сражаться на сторонѣ турокъ, но ему скучно воевать одному. Ни одна душа не откликнулась на обвиненіе въ „Contemporary“ Гобенъ Гобарда и Лейярда. Все, что „Spectator“ могъ сказать, стоитъ прочитать—это цѣлый обвинительный актъ.

Въ октябрѣ Ольга Алексѣевна получила нѣсколько писемъ отъ Гладстона.

10-го октября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова, мнѣ жаль, что долженъ отвѣтить Вамъ второпяхъ, но за то я посылаю Вамъ для прочтенія необыкновенно интересное письмо д-ра Зимана и еще одно изъ Вѣны, которое стоитъ Вамъ прочитать. Мы не ѣдемъ къ Эджертонамъ, мы ѣдемъ въ будущую среду въ Ирландію и можемъ быть въ отсутствіи три недѣли. Какъ только я возвратился въ Лондонъ, мнѣ объявили о Вашемъ посѣщеніи. Я пока не собираюсь въ Лондонъ, дѣла меня

задерживаютъ въ деревнѣ. Сочувствую Вамъ глубоко въ Восточномъ вопросѣ. Секретовъ у меня нѣтъ. Но многіе меня дѣлаютъ отвѣтственнымъ за все. Вы, можетъ быть, не видѣли мою статью объ Египтѣ, которую прилагаю. Въ одномъ будьте увѣрены: молчу ли я, или нѣтъ, гдѣ бы я ни былъ, слышите ли Вы обо мнѣ или нѣтъ, ничто не измѣнитъ моего направленія, и хотя туркофильство громко заявляетъ о себѣ среди насъ, и мнѣ стыдно за нѣкоторую часть моихъ соотечественниковъ, тѣмъ не менѣе меня радуетъ, что въ Ноттингамѣ, двѣ недѣли тому назадъ, я говорилъ десятитысячной толпѣ и находилъ ее здравомыслящей, какъ всегда.

Я убѣжденъ въ вѣроятномъ окончаніи войны и смотрѣлъ на турецкіе успѣхи, какъ на несчастье для Турціи. Вѣрьте искренней моей преданности.

Гладстонъ“.

Вслѣдъ за этимъ Гладстонъ снова пишетъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

Хаварденъ 16-го октября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова, письмо д-ра Тиннера прекрасно и интересно. Онъ касается благоразумно и деликатно Польши. Помните, что между нами произошло по этому поводу прошедшій годъ. Я послалъ Вамъ письмо Зимана не какъ евангеліе, но какъ любопытный отчетъ его впечатлѣній о Константинополѣ.

„Я ѣду въ Ирландію, и Богъ дастъ переселюсь туда недѣли на три въ уединеніе, насколько могу. Этотъ восточный вопросъ сдѣлалъ меня извѣстнымъ болѣе, странно сказать, чѣмъ во время моего премьерства.

„Мнѣ будетъ жаль, если Вы не поѣдете къ лэди Эджертонъ. Мнѣ бы хотѣлось знать, получило ли Ваше посольство сообщеніе отъ меня касательно письма Вашего Военнаго Министра, написаннаго имъ вслѣдствіе того, что я считаю самымъ безсердечнымъ подлогомъ, посланнымъ ему отъ моего имени. Я только хотѣлъ бы это знать при случаѣ и больше ничего. Вѣрьте искренней преданности моей къ Вамъ

Гладстонъ“.

„Я не думаю, чтобъ разсудительный человѣкъ, какихъ бы мнѣній онъ ни былъ, могъ вѣрить, что Вы стараетесь анексировать славянскія провинціи“.

22-го октября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова, — Ваше письмо я получилъ сегодня утромъ. Дай Богъ, чтобы блестящая побѣда (надъ Мухтаръ-пашей

при Аладжѣ ¹⁾ ускорила окончаніе страшной войны. Спѣшу отвѣтить на Вашъ вопросъ о г-нѣ Картрайтѣ. Онъ очень умный, образованный человѣкъ, и за его правдивость можно поручиться.

„Вамъ можетъ быть интересно будетъ прочесть прилагаемую пѣсню. Авторъ ея г-нъ Стевенъ де Росъ, ирландецъ. Говорятъ: на этомъ островѣ царствуетъ туркофильство, но мнѣ лично его не выказываютъ.

Вашъ искренно Гладстонъ“.

„Можете снять копию съ пѣсни, если найдете, что стоитъ. Мнѣ жаль, что не могъ Васъ убѣдить поѣхать въ Татонъ“.

Его преподобіе Дентонъ писалъ г-жѣ Новиковой 25-го октября:

„Гладстонъ думаетъ, что если не случится какое-нибудь особенное несчастье, напримѣръ, попытка перейти изъ сомнительнаго нейтралитета во враждебныя дѣйствія противъ Россіи, или къ активной помощи Турціи, лучше отложить всякія публичныя собранія до момента открытія парламента. Могутъ однако возникнуть обстоятельства, по которымъ желательно будетъ ускорить митингъ“.

Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ изъ Ирландіи Гладстонъ также касается этого предмета.

30-го октября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова, боюсь, что нѣтъ вѣроятія поѣздки моей въ Лондонъ до 10-го ноября или даже вскорѣ послѣ, но я ничего новаго сказать не могу касательно всепоглощающаго вопроса. Мои мысли похожи на поступки человѣка, живущаго въ стеклянномъ ульѣ (какъ въ сказкѣ говорится). Огорченіе, съ которымъ я гляжу на политику, насильно навязываемую правительствомъ моей странѣ, никогда не пройдетъ и не уменьшится.

„Эта политика была подлая, другого слова не подберешь. Въ этомъ смыслѣ я все время говорилъ о ней публично, такъ долженъ и продолжать.“

„Для меня весьма деликатный вопросъ—выборъ подходящаго случая для публичныхъ рѣчей, и естественно я дѣлаюсь судьей многихъ. Я не вижу вреда отъ митинга такого, какъ предлагаетъ г-нъ Дентонъ, но я не думаю, чтобы это былъ для меня подходящий моментъ выступить“.

Гладстонъ снова пишетъ г-жѣ Новиковой:

„Повидимому, надъ Турціей опять нависли мрачныя тучи. Я все

¹⁾ Битва при Аладжѣ произошла въ Арменіи 14, 15-го октября. Русскіе подъ предводительствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича окончательно разбили турецкую армію подъ командой Мухтаръ-паши, захвативъ 32 пушки и 10.000 плѣнныхъ.

время считалъ ея успѣхи не выгодой, а новымъ несчастьемъ для нея же самой. Вы, Русскіе, смотрите на войну, какъ на вопросъ чести. Это я сказалъ на дняхъ вице-королю Ирландіи, единственному человѣку, заговорившему со мной объ этомъ предметѣ съ тѣхъ поръ, какъ я у здѣшнихъ береговъ“. Наша политика была гнусной, обратите вниманіе на вашу! Я твердо вѣрю, что вашъ императоръ не уклонится отъ дѣла Европейскаго освобожденія, предпринятаго имъ. Ему нужна сверхъ-человѣческая мудрость. Да внушить ее ему Богъ! Я часто говорилъ, что если вы находите удобный моментъ, чтобы дѣйствовать на мнѣніе англичанъ, вамъ слѣдуетъ, подобно туркамъ, вліять на прессу и черезъ нее. Я также вамъ говорилъ, какъ отзовутся здѣсь не получившія опроверженія польскія обвиненія.

Я себѣ представляю, если бъ кто-нибудь сказалъ мнѣ: „не говорите про Россію и Польшу; подумайте объ Англіи въ Индіи, Ямайкѣ и проч.“. Я бы отвѣтилъ: всякому, кто указалъ бы міру на наши проступки, я лично былъ бы очень благодаренъ. Съ лучшими пожеланіями Вамъ здоровья и благополучныхъ путешествій, преданный Вамъ

Гладстонъ“.

„Мы ѣдемъ къ герцогу Лейстеру въ концѣ недѣли“.

Побѣды твердо установились теперь на сторонѣ Россіи. До битвы при Аладжѣ турецкіе партизаны были увѣрены, что русскіе будутъ побѣждены. Гладстонъ никогда не вѣрилъ этому. Когда положеніе русскихъ казалось въ самомъ мрачномъ видѣ, онъ мнѣ писалъ:

„Неудача была бы теперь такимъ несчастьемъ для Россіи, что ея нравственный долгъ упорствовать. Относительно окончательнаго успѣха положеніе очень сходно съ Американской войной 1861—65 гг. Мнѣ всегда казалось слѣпымъ турецкое ликованіе при успѣхахъ. Они должны бы цѣнить окончательный успѣхъ“.

Вскорѣ и на частичные успѣхи турки не имѣли надежды. Карсъ былъ взятъ штурмомъ 18-го ноября, а 16-го декабря¹⁾, когда Османъ-паша сдалъ Плевну, ясно было самому яркому оптимисту изъ туркофиловъ, что игра проиграна.

Но было не менѣе ясно, что разъ Турція побита, и русскія войска приближаются къ Константинополю, возрастаетъ опасность войны между Англіей и Россіей. Обсуждая это съ г-жей Новиковой, я предлагалъ ей написать серію писемъ съ русской точки зрѣнія, что для свѣдѣнія англійской публики было бы очень полезно. Она

¹⁾ Дата чисель по новому стилю.

колебалась. Я просилъ совѣта у Фримана. Какъ видно изъ его письма, онъ не особенно увлекся.

„Что касается г-жи Новиковой, она была бы чрезвычайно полезна для сообщенія фактовъ, такъ какъ она имѣетъ доступъ въ самыя высокія сферы Россіи, но я бы не довѣрялъ ей, какъ корреспонденту, т. е. для печатанія ея писемъ. Конечно, ея точка зрѣнія, какъ русской, иная, чѣмъ наша, но она по-временамъ бываетъ чрезмѣрно восторжена“.

По моему убѣжденію, самый нужный элементъ былъ именно искренній неэгоистичный энтузіазмъ. Г-жа Новикова согласилась, и результатъ превзошелъ мои ожиданія. Ея письмо съ описаніемъ двухъ Россій, оффиціальной и неоффиціальной, Петербургской и Московской, произвело неизгладимое впечатлѣніе на англійскіе умы. Ничто не могло появиться болѣе своевременно и болѣе кстати. Самъ г-нъ Фриманъ не замедлилъ признать услуги, оказанныя такимъ доблестнымъ союзникомъ въ войнѣ, которую мы всѣ пытались вести противъ Биконсфильда.

Въ день избранія новаго лорда-мэра, по обыкновенію, премьеръ говорилъ рѣчь, но сравнительно съ 1876 г. слово лорда Биконсфильда было смиренно. Въ письмѣ отъ 11 ноября Фриманъ отмѣчаетъ разницу:

„Еврей былъ менѣе необузданъ, чѣмъ я предполагалъ. Но Грекъ! Навѣрное, измѣнники, продающіе себя, чтобы лгать за дьявола и его агентовъ, хуже тѣхъ, кто продаетъ себя, чтобы сражаться за нихъ. Гобартъ не то, что Мусурусъ, помогающій снять оковы съ своего народа, и я увѣренъ, что эта тварь принята въ высшемъ Лондонскомъ обществѣ, сдѣлавшемся, повилимому, чисто сатанинской синагогой“.

Грекъ, о которомъ Фриманъ упоминаетъ въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ, былъ Мусурусъ-паша, въ то время турецкій посоль при Сентъ-Джемскомъ дворѣ.

Гладстонъ былъ еще въ Ирландіи, но собирался въ обратный путь. Слѣдующее письмо его помѣчено:

Говардъ 13 ноября.

„Дорогая г-жа Новикова, я возвратился вчера изъ замѣчательно интереснаго посѣщенія Ирландіи. Море было ужасно. Я не могу ничего сказать про ирландское мнѣніе о Восточномъ вопросѣ, такъ какъ оно существуетъ только у самыхъ высокообразованныхъ людей, но я не нашелъ здѣсь ни свирѣпаго антирусскаго, ни туркофильскаго настроеній и не встрѣчалъ ничего похожаго на ядовитую турецкую прессу столицы.“

„Вчера утромъ, сойдя на берегъ, я долженъ былъ говорить въ собраніи Холихеда и не преминулъ, насколько могъ, послѣ качки, ввернуть два или три своевременныхъ намѣка.

„Избави Богъ бѣдныхъ турокъ отъ ихъ друзей, такъ какъ они навлекли на нихъ борьбу, въ которой они терпятъ пораженіе. Надѣюсь, что Россія будетъ справедлива и умѣренна, но было бы нелѣпо ожидать, что за всѣ свои усилія и жертвы она не потребуетъ никакого вознагражденія. Я ни минуты не предполагалъ, чтобы она уклонилась отъ своего покровительства Европейскимъ и въ особенности Болгарскимъ славянамъ. Славная геройская маленькая Черногорія. Да благословитъ Господь ея процвѣтаніе.

„Я съ особеннымъ интересомъ прочиталъ присланную Вами статью и надѣюсь, что Вы мнѣ ее разрѣшили оставить у себя. Прекрасная статья: она доказываетъ, что вы занимались прекраснымъ дѣломъ въ Россіи.—Блаженны миротворцы, но между нами многіе стараются, надѣюсь безсознательно, наоборотъ, творить работу дьявола.

„Благослови Васъ Богъ.

Гладстонъ“.

„Что означали слова лорда Б. въ Гильдчхоль, что Вашъ Императоръ обязался не увеличивать территоріи? Я этого не понимаю! Каноникъ Лидонъ написалъ мнѣ интересное письмо, отъ 15-го ноября, изъ Оксефорда, объ отношеніи англиканскаго духовенства къ Восточному кризису:

„Милостивый Государь. Я вмѣстѣ съ Вами согласенъ оплакивать путь, по которому шла значительная часть духовенства въ Восточномъ вопросѣ. Мнѣ ясно, что они, какъ бы ни было безсознательно, но предпочли пожертвовать нравственными соображеніями, которыя для насъ болѣе, чѣмъ для кого другого, должны имѣть вѣсъ, требованіямъ политической партіи. Изъ моихъ друзей большинство, я думаю, болѣе или менѣе согласно со мной, но нѣтъ сомнѣнія, что большинство высшаго духовенства поддерживало лорда Биконсфильда. Я имѣлъ удовольствіе видѣть г-жу Новикову на-дняхъ, когда она была въ городѣ. Она оказывала большую услугу, объясняя своимъ соотечественникамъ, что не вся Англія сошла съ ума, и есть меньшинство, достаточно сильное, чтобы не допустить никакого дѣйствія противъ Россіи въ защиту турокъ. Я очень радъ, что она будетъ писать въ „Сѣверномъ Эхо“, и буду Вамъ очень благодаренъ за присылку его мнѣ.

„Сколько я слышу, несмотря на желанія премьера, ему не удастся вовлечь насъ въ войну съ Россіей даже, если защита Турціи въ Бол-

гаріи также провалится, какъ въ Арменіи. Мы не можемъ объявить войну безъ союзника, а единственно возможный союзникъ Австрія, но несмотря на сильное давленіе въ Пештѣ, австрійское правительство все болѣе и болѣе склоняется къ союзу съ Берлиномъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ значитъ къ Петербургу. Я не долженъ назвать источники этихъ свѣдѣній, но Вы можете, я думаю, считать ихъ точными. Подозрѣніе въ этомъ замѣтно по отчаянной злобѣ такихъ газетъ, какъ Pall-Mall и Morning Post“.

Отношенія Ольги Алексѣевны къ госпожѣ Гладстонъ были всегда самыя сердечныя. Я уже приводилъ письмо г-жи Гладстонъ, уведомляющее объ изданіи „Болгарскія жестокости“. Теперь помѣщаю другое, писанное той же дружеской рукой потому, что выраженіе въ немъ г-жи Гладстонъ „великое извѣстіе“, говоря о паденіи Карса, доказываетъ, какъ искренно семья Гладстоновъ сочувствовала русскому дѣлу.

20-го ноября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Какъ мило съ Вашей стороны подумать о чудномъ русскомъ чаѣ. Тысячу благодарностей. Будемъ вспоминать о Васъ, сидя у каміна и наслаждаясь имъ. Сегодня такой день, въ который я особенно рада Вамъ писать. Какое великое извѣстіе! Дай Богъ, чтобы все теперь шло прекрасно. Мы съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ читали Ваше письмо въ „Сѣверномъ эхо“. Такое прекрасное и умное. Мужъ поѣдетъ въ Лондонъ 3-го или 4-го декабря на нѣсколько дней. Здоровье его очень хорошо. Лучшія пожеланія, дорогая г-жа Новикова. Ваша отъ всего сердца

Екатерина Гладстонъ“.

Извѣстіе о взятіи Карса дошло въ Англію 20-го ноября. Черезъ три дня Гладстонъ писалъ:

23-го ноября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Возвращаю Вамъ корректуру; читалъ сегодня Ваше замѣчательно умное письмо о статьѣ Форбса, присланное мнѣ издателемъ „Сѣвернаго Эхо“. Я желаю, чтобы оно приобрѣло то вниманіе, котораго оно заслуживаетъ. Надѣюсь уѣхать изъ Лондона 3-го и могу быть въ Вашемъ распоряженіи въ этотъ день въ половинѣ пятаго

Вашъ искренно Гладстонъ“.

„Странно, что я самъ готовлюсь въ 7 ч. вечера читать лекцію о Форбсѣ“.

Странно можетъ быть, но довольно естественно, чтобы два такихъ проніцательныхъ защитника одной и той же идеи одновременно.

задумали отражать непріятельскія нападки. Г-нъ Форбсъ былъ извѣстный военный корреспондентъ „Daily News“, который, возвратясь съ мѣста военныхъ дѣйствій, написалъ статью въ „Nineteenth Century“, возбудившую негодованіе въ славянофильскомъ лагерѣ.

Не слѣдуетъ забывать, что антитурецкое движеніе было всецѣло скорѣе нравственнымъ, чѣмъ политическимъ. Это очень хорошо объяснено г-мъ Шельдонъ Амосъ въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой:

„Сопротивленіе войнѣ не должно быть основано на отвлеченномъ, миролюбивомъ принципѣ, или просто на принципѣ корысти или политики. Такія основанія падутъ передъ возрастающей лихорадкой войны и обманчивыми расчетами на цѣлесообразность, представляющуюся другой стороною. Единственное безопасное, общее и вѣрное основаніе, на которомъ люди должны остановиться то, что становится нравственнымъ беззаконіемъ—продолжать политику, которая такъ долго поддерживала Турцію, несмотря на ея доказанную неспособность на порядочное управленіе, ея гнилую нравственность и ненасытную злость,—только потому, что надо воздвигнуть стѣну, изъ матеріаловъ какихъ угодно, между Россіей и Британскою Индіей.

Письма г-жи Новиковой, или какъ ихъ называли, письма „О. К.“, подписывались ея дѣвичьими инициалами, чтобы не раздражать ея зятя, Евгенія Петровича Новикова, тогдашняго посла въ Вѣнѣ, они печатались въ „Сѣверномъ Эхо“ и привлекали такое вниманіе своей силой, добродушіемъ и острымъ умомъ, что она была принуждена выпустить новое изданіе, что и было исполнено.

Это была откровенно высказанная защита народной русской точки зрѣнія, оживленная многими блестящими нападками на непріятельскій лагерь. Нѣкоторые критики называли ихъ раздражающими, и несомнѣнно они не были сладкорѣчивы. Г-жа Новикова описывала, впоследствии, мою книгу „Правда о Россіи“, какъ „бочку меда съ ложкой дегтя“. Ея джингоистскіе критики жаловались, что въ ея книгѣ пропорція была обратная ¹⁾.

По мѣрѣ того, какъ русская армія разбивала турокъ, негодованіе джингоистовъ дѣлалось все громче. Въ 1876 г. на конференціи въ Сентъ-Джемсъ-Холь г-жа Новикова видѣла кульминаціонный пунктъ анти-турецкаго направленія; это было наканунѣ

¹⁾ Вотъ содержаніе: Ошибается ли Россія? (Is Russia wrong?), изданное Hodder and Stoughton, появившееся въ двухъ изданіяхъ: „Тайныя общества и война“. „Двѣ Россіи: Москва и Петербургъ“. „Вознагражденіе за жертвы“. „Условія мира“, „Возможныя и невозможныя“, „Нѣкоторые англійскіе предразсудки“. „Традиціонная политика“, „Русскіе въ Средней Азіи“, Статья г-на Форбсъ. Катковъ и „Московскія Вѣдомости“.

Константинопольской конференціи. Въ 1877 г. она видѣла конецъ угрюмаго нейтралитета, преобладавшаго отъ объявленія войны до паденія Плевны. Ей удалось вызвать приговоръ англійской публики въ пользу Россіи въ тотъ самый моментъ, когда сдерживаемый потокъ джингоистскихъ страстей готовъ былъ вырваться на свободу. Ея первая книга *Is Russia wrong?* „Ошибается ли Россія?“ появилась въ то время, когда русскія войска стремились на югъ, къ Константинополю, а лордъ Биконсфильдъ готовился послать англійскій флотъ въ Дарданеллы, когда непріятельскія силы собирались нанести ударъ, г-жа Новикова стала на защиту и въ краткій промежутокъ тишины передъ бурей, она обратилась съ воззваніемъ къ народу, готовому, казалось, воевать. Это былъ храбрый пріемъ, онъ былъ безпримѣрный, какъ были безпримѣрны обстоятельства, въ которыя обѣ націи были поставлены.

У нея не было вѣрительной грамоты, она дѣйствовала по собственной инициативѣ, полагаясь на знаніе русскаго народа и на довѣріе лицъ, къ которымъ она обращалась. Г-нъ Фрудъ написалъ предисловіе къ „*Is Russia wrong?*“, которое сильно не понравилось ей друзьямъ холодною и умѣренностью его тона. Кинглекъ два раза говорилъ объ этомъ въ своихъ письмахъ: „Если Фрудъ будетъ писать только о войнѣ, вмѣсто того, чтобы оцѣнить Васъ по достоинству, такъ я приду къ заключенію, что, изучая характеръ королевы Елизаветы, онъ самъ обратился въ старую дѣву“.

Нѣсколько дней спустя Кинглекъ писалъ: „Великій оракулъ Хардена опять говорилъ мнѣ и очень энергично о силѣ и превосходствѣ Вашихъ сочиненій. Дѣло въ томъ, что Вы выражаете много мнѣній, которыя самъ онъ имѣетъ привычку внушать. Онъ съ неудовольствіемъ говоритъ о предисловіи Фруда, обвиняя его въ холодности. Для меня необыкновенно странно, что, предпринявъ написать предисловіе (котораго его никто не заставлялъ писать), онъ упустилъ изъ вида самое главное въ этой задачѣ—указаніе цѣнности и качества того произведенія, которое онъ представлялъ публикѣ“.

Фрудъ загладилъ вполнѣ свою ошибку предисловіемъ къ другой книгѣ Ольги Алексѣевны „*Russia and England*“.

Но книга не нуждалась въ предисловіи. Она говорила сама за себя, она была съ восторгомъ принята либеральной прессой, нуждавшейся въ то время въ сильномъ и рѣшительномъ направленіи. Наоборотъ отъ джингоистской партіи она навлекла на г-жу Новикову гнѣвные доносы. Газета „Міръ“ „*The World*“ называла ее русскимъ развѣдчикомъ, прибавляя: „авторъ, платный агентъ русскаго правительства, занятіе котораго состоитъ въ возбужденіи

интереса къ этой странѣ, одурачивая вліятельныхъ политическихъ стариковъ и вывѣдывая отъ нихъ полезныя свѣдѣнія“.

(„Is Russia wrang?“ опубликована наканунѣ Рождества 1877 г. Плевна сдалась 19-го. Ольга Алексѣевна, дождавшись появленія своей книги, уѣхала изъ Лондона въ Петербургъ).

ГЛАВА III.

Англо-русское освѣдомительное бюро.

Шесть мѣсяцевъ послѣ появленія „Is Russia wrang?“ продолжался кризисъ, воспоминаніе о которомъ до сихъ поръ меня преслѣдуетъ. Полгода двѣ великія націи грозили другъ другу войной, на сушѣ и на морѣ, бесполезной, ненужной войной—и за что? Вспоминая это тяжелое время, единственное, что могло бы объяснить, но не оправдать воинственную политику англійскаго правительства и бѣшеное волненіе печати, это Македонія. Возвратъ къ рабству этой несчастной провинціи былъ единственнымъ плодомъ антирусской политики Биконсфильда. Вся суета и хлопоты, все глупое бѣснованіе лондонской биржи, всѣ прогулки броненосцевъ, увеличившія раздраженіе между двумя народами, которыхъ дружба необходима для мира въ Азіи, все это имѣло практическимъ результатомъ возвратъ македонцевъ, освобожденныхъ по Санъ-Стефанскому договору, подъ власть султана и его башибузуковъ. Утѣшительно то, что Македонія стала съ той поры кошмаромъ англійской дипломатіи, постоянной угрозой европейскому миру. И несмотря на молодую революцію въ Турціи, мы все еще въ потемкахъ на счетъ ея.

Вспоминая страхи того безумнаго времени, трудно себѣ представить, чтобы дѣйствующія лица этой фантазмагоріи сами вѣрили въ серьезность своего дѣла.

Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ Европа была насторожѣ. Опасность безконечной войны висѣла, какъ Дамокловъ мечъ, надъ человѣчествомъ. Въ то же время преступники, хвастливая политика которыхъ произвела эту тревогу, доказывали міру, что сами они не вѣрили, въ эту борьбу; ибо гдѣ же были приготовленія къ ней? Народъ, затратившій 250 милліоновъ ф. на войну съ 60.000 фермерами Южной Африки, можетъ только удивляться правительству, которое, готовясь къ войнѣ съ великой державой, ограничивается займомъ въ 6.000.000 ф. Г-нъ Гаторнъ, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ замѣстителей лорда Биконсфильда, заявилъ открыто, что,

если возникнетъ война, потребуется не 6, а 600 милліоновъ ф.; но кромѣ этого займа министры не сдѣлали ничего. Они старательно заявляли, что никакихъ прибавокъ въ морскомъ вѣдомствѣ не происходитъ, и что флотъ даже на мирномъ положеніи прошлаго года способенъ противостоятъ всякой могущей возникнуть случайности.

Опасность грубой хвастливости въ политикѣ та же, которая случилась съ Чемберленомъ въ 1899 году: „Васъ могутъ заставить привести въ исполненіе вашу угрозу“, замѣтили ему. Къ счастью Англии и человѣчества, русское правительство было терпѣливѣе президента Крюгера, и войны не было. Однако никто не зналъ, что принесетъ съ собой слѣдующій день, царило лихорадочное волненіе, терялась всякая надежда на миръ.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ между появленіемъ въ свѣтъ „Is Russia wgang“ и Берлинскимъ трактатомъ, Ольга Алексѣевна почти одна вела блестящую, хотя иной разъ безнадежную борьбу въ пользу мира. Проповѣдуя терпѣніе въ Москвѣ, она въ то же время внушала англійскимъ друзьямъ мира поддерживать съ непреклонной смѣлостью борьбу противъ воинственной политики Биконсфильда. Она все время была душой той группы людей, которая отказывалась отчаяваться въ мирѣ. Событія оправдали эту вѣру.

Важность ея участія въ дѣлѣ не получила должной оцѣнки; да съ перваго взгляда оно кажется невозможнымъ, но при минутномъ размышленіи всякій пойметъ, какъ настойчиво было ея посредничество между обѣими странами. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ она одна отстаивала политику Гладстона. Она вѣрила въ искренность англійскихъ лидеровъ, получая каждый день статьи, могущія удостовѣрить русскихъ въ томъ, что Биконсфильдъ не могъ, если бы и хотѣлъ, втянуть Англию въ войну съ Россіей. Она упорно писала свои статьи въ этомъ смыслѣ. Позднѣе Катковъ, въ блестящей руководящей статьѣ, отдалъ должное безстрашной, самостоятельной политикѣ Ольги Алексѣевны.

Въ Англии важно было убѣдить лидеровъ, противниковъ джингоитской партіи, что русскіе имѣли честныя намѣренія, что не могло быть нарушенія торжественныхъ договоровъ, и что цѣль русской политики ограничиться предѣлами, начертанными до начала войны. Будучи въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ гладстоновцами въ Англии, а также съ печатью и правительствомъ въ Россіи, ясно, что О. А. пользовалась большими преимуществами.

Туркофильскія газеты смотрѣли съ подозрѣніемъ на сношенія г-жи Новиковой съ гладстоновцами, и выражали это болѣе или менѣе гнѣвно, но даже среди самой гладстоновской партіи почти никто

не зналъ, какую существенную помощь имъ оказывала сестра Николая Кирѣева. Я могу говорить съ увѣренностью, такъ какъ большая часть сообщеній обо всемъ, что касается неоцѣнимыхъ заслугъ г-жи Новиковой, прошла чрезъ мои руки; она успѣшно разстраивала воинственные планы джингоистовъ и поддерживала бодрость въ друзьяхъ мира обѣихъ сторонъ.

Вопросъ, въ правѣ ли вы, если ваше правительство грозитъ несправедливой войной, войти въ союзъ съ гражданиномъ государства, могущаго сдѣлаться врагомъ, былъ разрѣшенъ утвердительно въ 1876—1878 г. 30-го января 1878 г. Гладстонъ сказалъ въ клубѣ Пальмерстона въ Оксфордѣ: „съ прискорбіемъ и даже съ отвращеніемъ, но какъ убѣжденный старый политикъ, я могу за послѣдніе полтора года быть признанъ агитаторомъ. Но цѣль моя состояла въ томъ, чтобы изъ всѣхъ силъ, днемъ и ночью, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, противодѣйствовать тому, что я считалъ замыслами лорда Биконсфильда“. — Въ теченіе этихъ восемнадцати мѣсяцевъ и больше всего, когда кризисъ дошелъ до апогея, Гладстонъ былъ радъ найти въ Ольгѣ Алексѣевнѣ сотрудницу, могущую оказать ему дѣйствительную помощь въ самую нужную минуту.

Въ 1877 г., когда г-жа Новикова покинула Лондонъ, джингоистскій духъ присмирѣлъ. Партія мира въ кабинетѣ успѣла внушить свою волю Биконсфильду. Туркофилы видимо потеряли бодрость. Результатъ выборовъ оказалъ несомнѣнный приливъ либерализма, который дошелъ до апогея въ 1888 г.

Успѣхъ войны былъ, несомнѣнно, на сторонѣ Россіи. Въ Средней Азій и на Балканахъ турецкая армія бѣжала. Гладстоновцы ликовали надъ предстоящимъ освобожденіемъ Болгаріи. Болѣе пылкіе смѣялись надъ идеей, что лордъ Биконсфильдъ осмѣлится повести разьединенную націю на помощь шатающейся Оттоманской имперіи.

Изъ друзей Ольги Алексѣевны одинъ Фрудъ падалъ духомъ.

Я не раздѣлялъ его предсказаній. Жилъ я на сѣверѣ Англій, откуда, какъ неоффиціальныи помощникъ Гладстона, я имѣлъ возможность выражать публичный энтузіазмъ въ пользу освобожденія славянъ.

Естественно, что я былъ болѣе довѣрчивъ, чѣмъ житель Лондона, который, когда происходила рѣзня, имѣлъ глупость быть туркофиломъ. Состоя корреспондентомъ г-жи Новиковой, я внушилъ ей мое убѣжденіе, что лорду Биконсфильду не позволять заставить Англію воевать за турокъ.

Не тайно, но и не публично существовала организація для того, чтобы лидеры противотурецкаго движенія имѣли постоянныя сношенія другъ съ другомъ, для болѣе успѣшнаго противодѣйствія

намѣреніямъ Биконсфильда. Необходимо было парализовать Оттоманское владычество въ Европѣ. Самыми дѣятельными, хотя и не слишкомъ явными представителями этого движенія были г-жа Новикова, въ Москвѣ и я въ Дарлингтонѣ. Ольга Алексѣевна жила въ Москвѣ, въ центрѣ славянскаго движенія. Она постоянно встрѣчалась съ Катковымъ, самымъ грознымъ журналистомъ въ Россіи, и съ Аксаковымъ, предсѣдателемъ Славянскаго комитета, которые вначалѣ чуждались ея взглядовъ. Она сотрудничала въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Руси“ и въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. Она была дѣйствительнымъ членомъ Краснаго Креста по его московскому отдѣлу, и ея семейное и общественное положеніе ставило ее въ болѣе или менѣе близкія отношенія съ наиболѣе вліятельными людьми въ Россіи, начиная отъ кн. Горчакова и кончая Достоевскимъ.

Она поддерживала постоянную переписку со многими вліятельными людьми въ Англіи и была корреспондентомъ „Сѣвернаго Эхо“. Я былъ назначенъ издателемъ этого журнала въ 1871 г., когда мнѣ было двадцать два года. Съ своего появленія, газета была воинствующимъ органомъ передового либерализма и во многомъ, благодаря ей, сѣверъ Англіи остался вѣрнымъ своему либерализму.

Послѣ избранія цѣлой фаланги либераловъ „Сѣверное Эхо“ привлекло на себя вниманіе своей необыкновенной горячностью и симпатіями къ славянамъ. Его вліяніе, какъ органа новыхъ крестоносцевъ, распространилось далеко за предѣлы его обычной сферы. Гладстонъ, Брайтъ, Фриманъ и др. одобряли его труды, а потому онъ получилъ возможность входить въ сношенія съ ними или личныя или письменныя. Когда г-жа Новикова начала присылать мнѣ свои корреспонденціи изъ Москвы, я сталъ разсылать означенныя копіи газетъ съ ея письмами двумстамъ лидерамъ противотурецкой партіи. Такимъ образомъ „Сѣверное Эхо“ сдѣлалось путемъ сообщенія между всѣми стоящими во главѣ антитурецкаго движенія. Оно было больше этого: оно стало нѣчто въ родѣ главнаго штаба, освободительнымъ бюро антитурецкой кампаніи.

Когда г-жа Новикова возвратилась въ Москву, я былъ назначенъ англійскимъ корреспондентомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ Къ несчастію, статьи мои наполняли гораздо болѣе корзину для ненужныхъ бумагъ г. Каткова, чѣмъ страницы его газеты. Ольга Алексѣевна давала мнѣ свѣдѣнія изъ Россіи, а я ей изъ Англіи.

Я писалъ ей ежедневно, посылая выдержки изъ писемъ, вырѣзки изъ газетъ и краткій перѣчень ежедневныхъ новостей. Иногда въ крайнемъ случаѣ, я даже телеграфировалъ ей.

Наша переписка того времени подтверждаетъ мои слова.

Моиими корреспондентами были: лордъ Дерби и лордъ Карнавонъ, послѣ выхода ихъ изъ кабинета, Гладстонъ, Брайтъ, Фостеръ, герцогъ Аргайль, Гренфель, лордъ Кортней, лордъ Розбери, Чемберленъ, серъ Джемсъ Стансфельдъ, Фриманъ, Фрудъ, каноникъ Лидонъ, Динъ Черчъ, серъ Джорджъ Коксъ и проч. Не знаю, сколько изъ нихъ было извѣстно, что, обращаясь ко мнѣ, они писали къ конфиденціальному корреспонденту г-жи Новиковой, но такъ какъ многіе изъ нихъ узнали меня черезъ нее, очень вѣроятно, что они подозрѣвали, что я дѣлюсь извѣстіями съ нею. Нѣкоторые даже прямо просили меня посылать ихъ письма въ Москву. Другіе, какъ Гладстонъ и Фостеръ, увѣдомлялись мною обо всемъ, что я дѣлалъ, и пользовались мною, какъ посредникомъ для передачи намековъ, предостереженій и внушеній въ Московскую антитурецкую главную квартиру.

Я сказалъ Фостеру, что посылаю донесенія г-жи Новиковой, онъ отвѣчалъ, что я дѣлаю умно, но не долженъ допускать, чтобы объ этомъ было извѣстно въ публикѣ.

Предостереженіе г. Фостера, на счетъ этой тайны освѣдомительнаго бюро, было бесполезно. Я и самъ вполне созналъ эту необходимость, но Гладстонъ очень цѣнилъ тогда и впоследствии открытый путь для обмѣна сообщеній между двумя народными лидерами.

Несомнѣнно, что, будь извѣстно тогда это соглашеніе, страшный вопль поднялся бы со стороны джинговъ и даже жалобный пискъ ужаса со стороны слабыхъ между либералами. Замѣчательнъ слѣдующій фактъ: все время восточнаго волненія ни одинъ либеральный издатель не рѣшался упомянуть о дружбѣ Ольги Алексѣвны съ Гладстономъ. Единственные намеки на эту дружбу встрѣчаются въ джингоистскихъ газетахъ, которыя дѣлали это въ полной увѣренности, что ничѣмъ не могли болѣе повредить дѣлу Гладстона, но нашъ безстрашный лидеръ этимъ не смущался. Какъ мы видѣли, послѣ Сень-Джемской конференціи, онъ, какъ бы напоказъ всему свѣту, гордился своей дружбой съ г-жей Новиковой. Что касается его переписки съ ней, онъ не только не скрывалъ ее, но въ присутствіи другихъ и моемъ сказалъ г-жѣ Новиковой, что онъ ничего не имѣетъ противъ напечатанія даже въ „Таймсъ“ каждаго его письма къ ней. Очень немногіе изъ послѣдователей Гладстона не боялись злословія враговъ.

Періодъ между Рождествомъ 1877 г. и серединой лѣта 1878 г. полонъ интереса для историка и государственнаго человѣка. Большинство изъ дѣйствующихъ въ этой драмѣ лицъ нѣтъ въ живыхъ. Немногіе оставшіеся находятся подъ бременемъ лѣтъ или нездоровья, какъ султанъ и Чемберленъ. Большинство тѣхъ, чьи имена

играли роль въ этой исторіи, уже не существуетъ. Но великіе результаты того времени далеко не всё изгладились; необходимость добрыхъ отношеній между Россійской и Британской имперіями не менѣе важна теперь, чѣмъ была тридцать лѣтъ тому назадъ. Судьба Балканскаго полуострова все еще колеблется; путь, избранный Гладстономъ, чтобы противодѣйствовать лорду Биконсфильду, былъ совершенно тотъ же, какъ возбуждавшій бурю негодованія противъ сторонниковъ буровъ во время Южно-африканской войны. Любопытенъ вопросъ, насколько же можетъ оппозиція рассчитывать на народную поддержку, какъ на противодѣйствіе правительству, склонному къ войнѣ? и какими фибрами нравственными и политическими обладаетъ англійская демократія? На эти интересные вопросы пролито много свѣта перепиской, находящейся въ архивахъ англо-русскаго освѣдомительнаго бюро въ Москвѣ и Дарлингтонѣ.

Главное для русскаго правительства было въ томъ, заставить ли англійское правительство своимъ вмѣшательствомъ снова объявить войну, чтобы лишить Россію и покровительствуемыхъ ею плодовъ побѣды, или нѣтъ. Всякое мелкое указаніе было огромной важности. Русскіе, подобно англійскимъ либераламъ, глубоко не доверяли Биконсфильду. Они думали, что если бы онъ могъ, онъ не затруднился бы вмѣшаться въ концѣ концовъ. Но былъ ли лордъ Биконсфильдъ хозяиномъ даже въ своемъ кабинетѣ? Былъ ли его кабинетъ довольно силенъ, чтобы пренебречь оппозиціей, которую гладстоновцы ручались предъявить каждой воинственной попыткѣ? Насколько Россія могла надѣяться на единство либеральной партіи? Будь она увѣрена, что оппозиція предотвратитъ вторую войну, ей не нужно было бы дѣлать такія обширныя военныя приготовленія, какія ея казна развернула между февралемъ и іюнемъ. Очевидно: въ этомъ былъ для нея вопросъ жизни и смерти, ей необходимо было тоже знать: готовится къ нападенію Британской арміи и флота, съ поддержкой Австріи или безъ нея? Какъ показали обстоятельства, единственной заботой русскихъ было избѣжать новой принудительной войны.

Выдержки изъ переписки Ольги Алексѣевны доказываютъ, съ какой твердостью ея англійскіе друзья приводили доводы за политику надежды, терпѣнія и увѣренности.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

